

Распахнутые
ДВЕРИ

Светлана Тортунова

**Распахнутые двери. Рассказы
и рассказы о хороших людях**

«Издательские решения»

Тортунова С.

Распахнутые двери. Рассказы и рассказы о хороших людях / С. Тортунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836198-2

В книге собраны рассказы о жизни большой московской семьи, о ее истории, традициях, праздниках и любви на фоне истории нашей страны.

ISBN 978-5-44-836198-2

© Тортунова С.
© Издательские решения

Содержание

Картинки	7
Камчатка	10
Интродукция и рондо-каприччиозо	12
Про любовь	14
Калейдоскоп	15
Дед	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Распахнутые двери
Рассказы и рассказы
о хороших людях
Светлана Тортунова
Анна Корнева
Екатерина Тортунова
Василиса Тортунова
Мария Корнева
Софья Корнева
Анастасия Смирнова
Елизавета Тихонова
Екатерина Воробей**

*Эту книгу мы посвящаем нашим родителям – Тюриным Елене
Николаевне и Владимиру Степановичу в честь их золотой свадьбы.
Дети и внуки*

© Светлана Тортунова, 2017
© Анна Корнева, 2017
© Екатерина Тортунова, 2017
© Василиса Тортунова, 2017
© Мария Корнева, 2017
© Софья Корнева, 2017
© Анастасия Смирнова, 2017
© Елизавета Тихонова, 2017
© Екатерина Воробей, 2017
© Алексей Гаретов, дизайн обложки, 2017
© Екатерина Тортунова, иллюстрации, 2017

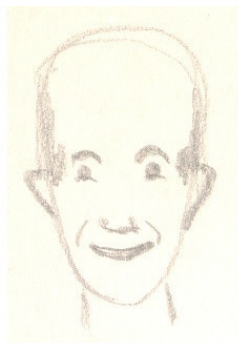
Редактор Светлана Тортунова

ISBN 978-5-4483-6198-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Картинки Екатерина Тортунова

Это дедушка, Владимир Степанович. Он прекрасный садовод, папа и дедушка. Еще он рассказывает анекдоты и поет песни. И играет в шахматы!

Это бабушка, Елена Николаевна. Она всех нас вырастила. У нее в доме всегда красиво, уютно и тепло.

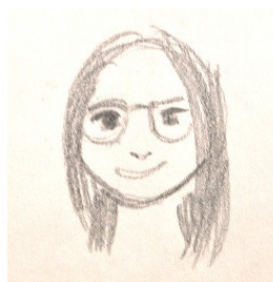
Это Света, старшая дочка. Она серьезная и умная, все умеет делать сама и лучше всех!

Это Аня, младшая дочка. Когда приходишь к ней в гости, тебя всегда ждут. С Аней очень хорошо говорить по душам.

Это Катюша, внучка. Она научилась читать почти сразу, как родилась, и с тех пор не останавливается.

Это Васюша, внучка. Она очень добрая и лучше всех умеет развлекать малышей.

Это Катя. Катя – самая добрая и мудрая, а еще – заядлая путешественница.

Это Лиза, внучка. Она очень талантливая и милая, и еще – отличный дизайнер.

Это Настя, внучка. Настя так здорово рисует хной, что все девочки в очередь выстраиваются, чтобы Настя им что-то нарисовала.

Это Софья, внучка. Софья – настоящая гимнастка, очень упорная и трудолюбивая.

Это Маша, внучка. Маша – пловец. Она упрямая и сообразительная.

А это – маленькая Анечка!

Камчатка

Светлана Тортунова

Папа работал на Камчатке горным инженером, а мы с мамой и братьями жили в Москве, в коммуналке на Большой Почтовой. Папа приезжал в Москву в отпуск, но это случалось редко, всего-навсего раз в год, а все остальное время мы по нему скучали. Очень сильно скучали.

И вот однажды, в конце сороковых, мама как-то утрясла вопросы на работе, в наших с братьями школах, и мы поехали к отцу!

Сначала долго ехали через всю страну на поезде, я даже не помню, сколько, может, две недели, может, месяц. Поезд подолгу стоял на всех полустанках, брат бегал за кипятком, мама покупала на станциях вареную картошку и яйца...

Наконец приехали. Нет, пока еще не на Камчатку, а во Владивосток. Дальше – морем. Пассажиров погрузили в катер и повезли к стоящему на рейде большому кораблю. И почему-то весь катер был полон детей и женщин, наверное, так же, как мы, к отцам и мужьям ехали. Подъехали к кораблю. Корабль высоченный, до неба. А катер маленький. Как наверх забираться? Тут сверху сбрасывают лестницу, веревочную. Ветер, она шатается, ходит из стороны в сторону, а по ней – раз – матрос ловко спускается вниз, как кошка. Я даже не заметила, как он руками и ногами перебирал, до того быстро спустился. Улыбнулся, рукой помахал и стал женщин наверх подсаживать. Которые побойчее, быстро залезли, а остальные сбились в кучку и сидят. Тогда матрос крикнул что-то и сверху корзину спустили, большую, в такой, наверное, медведь пирожки нес вместе с Машенькой. И в этой корзине стали наверх детей поднимать. Дошла очередь и до меня. Мама уже наверху была, меня матрос с братом внутрь посадили, веревкой привязали, и корзина поползла вверх, медленно-медленно. Передо мной бесконечная серая стена корабля, подо мной, где-то далеко внизу – море с крошечным катером, вокруг – свист ветра. Корзину качает, и передо мной стена, стена, ужасная серая долгая стена. С тех пор боюсь туннелей и серых стен.

Что еще я помню о Камчатке? Снег, сопки, дымок из вершины Ключевской... Не очень много, сколько мне тогда было – лет 8—10. И прожили мы там недолго, года 2—3. Но некоторые эпизоды прямо перед глазами стоят, как будто вчера все было.

На Камчатке у отца был пес Джек, немецкая овчарка. Его впрягали в большие санки со спинкой, и Джек катал меня по двору. Снег, ветер в лицо – весело! И Джеку тоже было весело! И однажды он так развеселился, что выбежал вместе со мной из двора и понесся вдоль моря, по самой кромке! Я боялась выпасть, вцепилась в края санок из всех сил, зажмурилась и кричала: «Джек! Джек! Стой! Остановись!». Но он не слышал, а бежал вперед все быстрее! Отец выбежал из дома, чудом догнал Джека и остановил санки. Больше нам не разрешали кататься, пёс грустил и смотрел на меня виноватыми глазами. И я тоже грустила.

Еще я играла с соседским мишкой. Мишка – это не мальчик, мишка – это медвежонок, настоящий бурый медвежонок из леса. Совсем ручной, маленький, забавный. Я приходила к соседям в гости, и мы с мишкой подолгу валялись на полу, играли, смеялись. Такой у меня был пушистый друг.

Самое лучшее камчатское воспоминание – папа и гейзеры. Гейзер – это такой горячий фонтан, бьющий из-под земли. Папа брал меня на руки, мы с ним спускались в гейзерное озерцо, садились, он придерживал меня коленями, и мы сидели так долго-долго. Папа рассказывал истории, я слушала, мы смеялись и были вдвоем, только вдвоем.

Потом мы уехали назад в Москву, а папа остался на Камчатке. И они потом долго мне снились – папа, Камчатка, Джек...

Интродукция и рондо-каприччиозо Светлана Тортунова

Рос я в деревне, в очень бедной семье – отец погиб на фронте, мама одна тянула четверых детей.

В десять лет меня, как сына погибшего солдата, зачислили в Тамбовское суворовское училище, и это спасло меня от верной смерти. Тогда годы были лихие, послевоенные, шпаны много, могли убить просто так, ни за что. На нашей улице парнишка жил, мой полный тезка, тоже Вова Тюрин... да у нас полдеревни было Тюриных, и чтоб не путаться, у всех семей прозвища были. Нас звали – Микулята: возьми у Микулят, пойдя к Микулятам... Откуда пошло – бог весть. У моего приятеля Толика было прозвище Гопич, а у его семьи, если мне не изменяет память – Веселкины.

Так вот, про тезку моего. Затащили его на глубину и утопили. Просто так, ради забавы. Я поэтому вместе со всеми купаться на Цну не ходил – боялся. Ходил один, рано утром, пока никого нет – плавать учился. Потихоньку, у берега, по-собачьи – так сам и поплыл.

Ну вот, поступил я в суворовское. Там сразу определили, у кого какие склонности, у меня хороший слух обнаружился, и мне было предписано заниматься музыкой.

Все ребята во дворе в футбол гоняют в свободное время, а я за пианино сижу – тына-тына. Тоска. И не забалуешь – офицер-педагог рядом, задания дает, пальцы ставит. Так я промучился кое-как с музыкой несколько лет, а потом поехал к сестре Кате на каникулы в Москву. Катя училась в МГУ на журфаке и жила в общежитии. Москва меня, конечно, ошеломила – большие дома, широкие улицы, много людей. Но главное мое потрясение было впереди.

Сидим мы с Катей как-то в общежитской комнате, и вдруг по радио начинают передавать концерт классической музыки. Катя мне говорит: «Вот, Вова, послушай, это очень хорошее произведение – „Интродукция и рондо-каприччиозо“ Сен-Санса». Я по армейской маршевой привычке сунулся сделать громче, но Катя меня остановила – эту музыку надо слушать тихо.

И все, я пропал. Сен-Санс затянул меня в пучину классической музыки.

Я вырос, записался в музыкальную школу для взрослых, купил аккордеон, научился играть. Выступал с оркестром в Измайловском парке, собрал небольшую коллекцию пластинок любимых композиторов – Чайковского, Свиридова, Сарасате...

Я не стал военным, не стал и музыкантом. Но музыка всегда рядом со мной, всю мою жизнь. Спасибо сестре Кате и Камиллю Сен-Сансу.

Про любовь Анна Корнева

Прекрасно, когда в жизни человека есть любовь. Интересно, как человек с ней встречается? Любовь с первого взгляда – верите ли вы в нее?

Мама с папой познакомились в больнице со странным названием ЦНИИПП.

(Казенное и какое-то противное название, совершенно не подходящее для места, где живет любовь, позже получило более приятное и домашнее прозвище – Кырло-Мырло, в честь Карла Маркса, имя которого одно время носила больница).

Я часто представляла себе, когда эта самая любовь заставила их сердца учащенно биться?

Может, когда они оба лежали на холодных каталках в предоперационном коридоре?

Мама подмигивает и подбадривает папу: мол, не бойся! Все будет в порядке!

А папа дрожит от страха, он панически боится любых медицинских манипуляций, но голос мамы так спокоен, что папа начинает верить: все именно так и будет!

А может, тогда, когда папа на спор (не ударять же в грязь лицом перед такой веселой и самоуверенной девчонкой?) проходит лужу на одних руках? Никто не может, а он смог! Да он вообще может многое! Играть на аккордеоне, сочинять музыку, разговаривать на немецком языке (немного позже, когда папа начинает ухаживать за мамой, они идут в Большой театр. Рядом с ними сидят немцы, которые не понимают, что происходит на сцене. Папа переводит, а мама необычайно горда! Конечно, ее немного смущают носки, один черный, другой зеленый, торчащие из-под брючин ее избранника. Но цвета папа будет путать всю жизнь, это такая мелочь, которую мама научится быстро контролировать фразой: «Володь, носки проверил?»).

У нас хранится фотография той поры: молодые парни и девушки в одинаковых полосатых пижамах сидят на больничной скамейке и заливисто хохочут. Ноги вытянуты – попробуй, согни их, если они в гипсе. Нет, смех, конечно, не слышно, но он везде: в глазах, в улыбках, да даже в этих самых полосатых «штанишках».

Все-таки я уверена, что любовь подтолкнула их друг к другу во время долгих разговоров: о детстве, об интернате и суворовском училище, о семье и будущем.

Именно во время них мама поняла, что папа очень надежный. А папа не сомневался, что нашел самую мудрую, верную и безгранично добрую маму их общим детям.

Так что нет никакой любви с первого взгляда. А с первого слова есть. Я уверена. Иначе и быть не может.

Калейдоскоп Екатерина Тортунова

Мне кажется, что самое важное – в деталях. Я не могу рассказать настоящую историю, но могу вспомнить моменты и кусочки, которые похожи на стеклышки калейдоскопа.

...как мы с ними едем на дачу, и останавливаемся у Макдональдса. И ТАМ МНЕ ПОКУПАЮТ ХЭППИ МИЛ! (в машине я так много болтаю и пою, что в итоге бабанюшка и дедушек придумывают «минуту молчания» – это значит, что рядом с памятником погибшим на войне надо молчать. Вот я и молчу гораздо больше минуты).

...как бабушка и дедушка дарят мне объемную открытку, сделанную из моей фотографии (на ней я глажу козочку).

...как бабушка дает мне шкатулку с бусами, и я надеваю их все, потому что очень красиво.

...как дедушка говорит: «Катюшка моя и больше ничья».

...как дедушка учит меня играть в шахматы, а я вместо этого играю в замок – строю стену из пешек, внутри замка селятся все остальные фигуры.

И есть истории длинные, но тоже не сюжетные.

Много лет подряд, пока я не становлюсь взрослой и не такой доверчивой, у бабушки и дедушки на проспекте Буденного в раковине живет щука. Она знает, когда я приду, и через сток приносит мне подарки, чаще всего – мандарины. Поэтому, как только я прихожу в гости, сразу же бегу на кухню, даже не зажигая света. В раковине лежит мандарин. Бабушка говорит, что щука никак не может меня дождаться, потому что ей надо домой, к деткам.

На новый год подарки мне приносит не дед мороз, а Леонид Якубович. Бабушка встречает его рядом с нашей пятиэтажкой, и он передает подарки Катюше. Мы несколько лет планируем поехать на Поле Чудес.

Дедушка долго рассказывает про то, как обрезать яблони. Я думаю, что никогда этого не запомню. Оказывается, что дедушка – лучший яблоневый учитель. Прививать в расщеп я теперь умею (и не только в расщеп).

Кажется, я понимаю, почему не могу написать историй – потому что бабанюшка и дедушек всегда рядом, всегда со мной и всегда меня любят – сколько я себя помню.

Сложно выделить какой-то момент, какой-то день, какой-то факт из непрекращающейся истории радости и любви. Здорово, что это так.

Дед Светлана Тортунова

Я внезапно открыл глаза. В доме было тихо, серый рассвет неуверенно сочился сквозь ставни. Я тихонько пробрался к Катиной кровати и взял часы.

– Мама! Катя! Проспали! – от моих воплей, казалось, проснется все село.

Еще бы. На часах было шесть. Автобус в Тамбов уходил ровно через час, и до него еще надо было добраться в Моршанск, на автостанцию. Я бестолково заметался по избе, хватая штаны, рубашку, носки. Наконец мне удалось сосредоточиться и попасть ногой в штанину.

– Вовюня, Вовюня, пол холодный же, вот ботиночки скорей, ботиночки! – мама запо-лошно крутилась вокруг меня, пытаясь подsunуть мне под ноги сандалии, надеть на меня рубашку, сунуть в рот вареную картофелину. Все это одновременно, создавая хаос и только тормозя процесс сборов. – Вовюня, спиночкой к галаночке, потеплей. Ах, печку-то я не про-топила, дура старая!

Печка-голландка была единственной ценностью в нашей избе. Ее сложил отец перед самым уходом на фронт, когда я только-только родился. В их депо выписали премии на Первое мая, отец купил кирпич, позвал знакомого печника и вместе с ним переложил старую печку, топившую избу по-черному. От старой печки умерли два моих средних брата – уго-рели. Взрослым ничего, а младенцы очень чувствительны к угарному газу. Еще один брат умер от воспаления легких – ночью упал с лавки на земляной пол и проспал там до утра. За неделю сгорел. Была бы дома мама, заметила бы, подняла, но она накануне ушла в даль-

нюю деревню на работу и там заночевала, а отец всегда спал крепко. Отец еще хотел земляной пол досками застелить, не успел. Началась война, и не стало ни досок, ни отца.

Вернулась Катя – растрепанная, в шали прямо на сорочку. Я и не заметил, как она выходила. Она всегда такая – незаметная и решительная.

– Мама, прекрати панику. Я разбудила дядю Пашу, он нас подбросит до города. Успеет к автобусу. Володя, не стой в одной штанине. Быстро давай одевайся. Мама, картошку в узелок, с собой. Соль туда же. Метрику положила?

Катины команды быстро привели всех в чувство. Я оделся, подтянул скрутку. Опять не заметил, как Катя вышла из-за своей занавески уже одетая, в синем штапельном платье в горошек и туфлях. Красивая.

Когда на отца пришла похоронка, Катя в одночасье стала главой семьи. Нас у мамы осталось четверо – старшие, шестнадцатилетний Василий и четырнадцатилетняя Катя, и младшие – пятилетняя Томуся и трехлетний я. Вася подделал метрику и записался добровольцем. Мама не работала. Она была городская, из Моршанска, вышла замуж и перебралась к отцу в Устье. Городской работы в селе не было, а к деревенской мама была неспособна. Не то, чтобы она была белоручкой, вовсе нет. Я вообще не помню ее празднично сидящей и отдыхающей. Но КПД ее был невысок – она больше суежилась, чем делала. По дому она управлялась быстро, а вот уже в огороде все ее умения улетучивались. Нашу картошку съедал колорадский жук, свеклу – слизни, огурцы засыхали, морковь не всходила, вишню склевывали птицы. Выживали лук и укроп, которым только не мешай. Единственное, что мама умела делать хорошо – рисовать. Малонужное, казалось бы, занятие в деревне, однако именно оно помогало нам не умереть с голоду. Мама ходила по деревням и расписывала печки, ставни, наличники. Красок почти не было, но она умела находить цветные глины в овраге, использовала сок свеклы, аптечную зеленку. Люди охотно ее звали. За старшую оставалась Катя, потом сестра устроилась на работу в сельсовет счетоводом, стала приносить домой стабильную зарплату, и мать с облегчением передала ей главенство в семье.

Катя решительно взяла меня за руку, и мы втроем вышли из дома. Томка осталась топить печь и собираться в школу. До дома дяди Паши бежать было недалеко, тот уже завел свою полуторку и сидел за рулем. Мама посадила меня в кабину, устроилась рядом, сестра села в кузов, и машина резко тронулась. Я держал на коленях узелок с картошкой и сменой белья. Это было все мое имущество – зубных щеток у нас в селе не водилось, расческа моему чубчику была ни к чему. Картошка – вот это была ценность, я сквозь материю чувствовал запах и ждал, когда мама разрешит ее съесть.

Маме за ее малярство, как она говорила, платили в основном натурой – яйцами, мукой, сахаром. Вот так уйдет мать в дальнюю деревню на промысел, а мы с Томусей сидим и ждем маму или Катю с работы – кто что поесть принесет. Осенью-то ничего, богато. Картошка все-таки вырастала, заказчики маме платили щедро. Грибы-ягоды мы запасали изо всех сил, иногда удавалось в лесу мед найти. Маме из-за потери кормильца осенью выдавали два мешка муки и подводу дров. Так что на осень грех жаловаться. А вот весной – весной приходилось тяжело. Все запасы съедались, на Катину зарплату покупали пшено и перловку, иногда постное масло. Первую весеннюю крапиву и одуванчики мы с Томкой съедали подчистую. Однажды наелись белены – поди знай, что это такое, да и в животе второй день пусто. Недельку в больнице пролежали, тамошняя казенная еда мне показалась подарком судьбы.

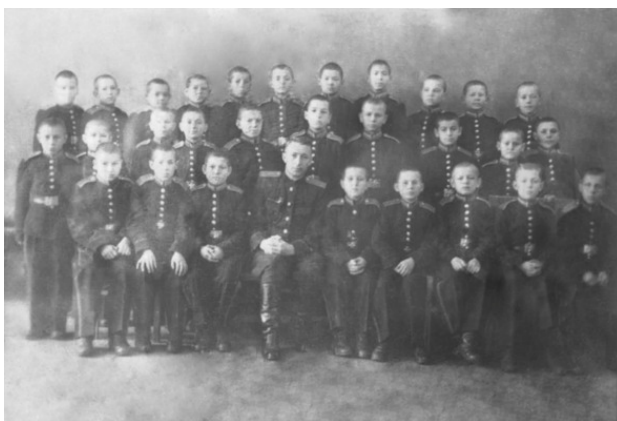
Картошка, всю ночь простоявшая в печке и еще горячая, пахла уже совершенно нестерпимо. Вдруг машина остановилась – мы приехали на автостанцию. Успели, слава Богу. Успели даже картошку съесть, торопливо разделив ее на всех. Подошел автобус, хмурые невыспавшиеся пассажиры полезли внутрь. Едва мы с Катей сели, автобус тронулся. Мама махала мне рукой, потом побежала вслед за автобусом, плача и причитая: «Вова, Вовюня!».

Я рос маминым любимчиком. Младший в семье, хилый и почти прозрачный от недокорма, я выжил только благодаря ее любви. Сейчас я понимаю, как мне повезло с мамой. Другие матери в нашем селе были грозные, горластые, драли своих детей за уши и пороли ремнем за любые провинности. Моя мама ни разу ни на кого голос не повысила. Доброта – вот что составляло сущность ее натуры. Вот пример. Село наше стояло на берегу реки, огороды были покатые и задами выходили к воде, зимой это была прекрасная пологая горка. Вся деревенская детвора каталась на ледянках и картонках с нашего огорода, со всех остальных хозяйки гнали. А мама смотрела на кучу-малу и улыбалась: «Катайтесь, деточки, катайтесь».

Я задремал и очнулся уже в Тамбове. Катя настойчиво тянула меня за руку к выходу. Три квартала быстрым шагом – и мы у цели нашего путешествия. Вот они, ворота Тамбовского суворовского училища. Странная смесь ужаса и надежды переполняла меня. Никогда раньше я не уезжал из дома, никогда не разлучался с мамой дольше, чем на день. Но я смутно представлял себя высоким, сильным, в красивой военной форме. В мечтах мой приезд в Устье сопровождался чемоданом подарков – маме платок и новое платье, а еще туфли на каблуках, которых у нее никогда не было. Томке куклу, и не тряпочную самодельную, а настоящую, пластмассовую, с закрывающимися глазами и длинными волосами. Кате духи, я знал, что женщины в городе пользуются духами, и даже видел один раз флакон у тетки моего одноклассника. И вот эти простецкие зеленые ворота училища были пропуском в новый прекрасный мир.

Катя, пытаясь спасти меня от голода, писала письма и ездила в военный комиссариат, просила, чтобы меня приняли в суворовское как сына погибшего фронтовика. Она добилась своего, власти старались поддержать осиротевшие солдатские семьи. Я родился за полгода до начала войны и отцова ухода на фронт. Смутно помню, как он приходил в отпуск, мне было тогда года два. Память сохранила только сильные руки и усатое лицо где-то высоко надо мной. Больше я отца не видел.

Кате, как и другим сопровождающим, разрешили остаться в училище до вечера. Будущим курсантам предстояли вступительные экзамены, и непоступившие отправлялись обратно вместе со своими провожатыми.

Экзаменов я не боялся, учеба давалась мне легко. Я был самым умным в классе, что было несложно на фоне большинства деревенских ребят, которым ученье было вообще ни к чему. Я охотно давал списывать и решал оба варианта контрольных, поэтому был оберегаем хулиганами нашего класса ото всех остальных хулиганов. Все дети в нашей семье были умные и хорошо учились. Катя вообще мечтала уехать в Москву и поступить в МГУ, и надо сказать, что мечта сбылась.

Родителей увели в клуб, а нас забрали – мыться, получать обмундирование и есть. Момент, когда я, десятилетний, в новой гимнастерке и в первых в своей жизни сапогах

сажусь за длинный, гладко струганный стол и передо мной ставят миску, полную дымящейся гречки с мясом, и сейчас стоит у меня перед глазами. Я даже вкус этой каши помню. Ничего более вкусного я потом в жизни не ел, нигде, ни здесь в Москве, ни в Европе. И помню свое удивление, когда многие мальчики, поковыряв кашу ложкой, отставляли ее в сторону. Я бы съел и две, и три миски, но стеснялся попросить. Потом в классе мы писали диктант, решали какие-то задачи. Дальше помню общее построение, зачитывание списков зачисленных, свою фамилию, выкрикнутую немолодым офицером. Катя подбегает ко мне, обнимает, поздравляет. Поступили почти все мальчики, вступительные испытания были достаточно простыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.